

М. П. Гусакова

канд. психол. наук, доцент ОНУ имени И. И. Мечникова,
каф. социальной и прикладной психологии

АНАЛИЗ СПОНТАННОЙ НЕПРОДУКТИВНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В СУИЦИДАЛЬНОМ КРИЗИСЕ

В статье рассматривается суицидальный кризис как кризис невозможности жить, в котором суицидальная попытка становится попыткой изменить, сохранить, обновить смысл критической ситуации. Утверждается, что в терапевтической работе с суицидентами должна использоваться практика пресечения спонтанных непродуктивных способов разрешения кризиса: игнорирования кризиса, обесценивания кризиса, целеполагания как замещения смыслообразования и целенаправленной деятельности по поиску смысла (в виде двух тенденций: утверждения или отрицания жизненной ценности).

Ключевые слова: смыслообразование, суицидальный кризис, постсуицид, смысл жизни.

Суицидальный кризис принято рассматривать пролонгированно: как пре-суицид, суицидальную попытку и пост-суицид [1]. Каждый из этапов проживания суицидального кризиса имеет свои особенности. Для анализа смысловой динамики личности, на наш взгляд, удобнее всего использовать пост-суицидальный этап кризиса. Именно на этом этапе чаще всего суицидент становится пациентом реанимации, клиники, кризисного стационара, что позволяет изучить особенности спонтанной трансформации смысловой сферы актуально, а не в ретроспективе.

Ситуацию суицидального кризиса мы рассматриваем как ситуацию невозможности жизни [3, 4]. Попытка суицида является попыткой изменения, сохранения, обновления именно смысла или личностного значения критической ситуации, то есть переживанием, направленным на трансформацию смысла критической ситуации.

Для того чтобы продемонстрировать спонтанную динамику смысловой сферы личности, обратимся к анализу трансформации аутодеструктивных тенденций личности в пост-суициде. Нами было выделено две основных тенденции в динамике смысловой сферы личности в пост-суициде: утрата актуальности кризиса и сохранение актуальности кризиса. В то же самое время в рамках каждой из заданных тенденций развития смысловой сферы можно обнаружить разные механизмы и способы как утраты кризисных переживаний, так и их сохранения.

Рассмотрим каждый из вариантов трансформации смысловой сферы как изменение аутодеструктивных тенденций после совершения неудачного покушения на самоубийство.

1. Утрата актуальности кризиса-невозможности

Работа суицидологов [1, 5] направлена именно на выведение пациента из пост-суицида, помощь в его купировании за счет выхода из кризиса. По типологии А. Амбрумовой — В. Тихоненко [6] 3 из 4 возможных пост-суицидов завершают пресуицид через совершение покушения: критический, манипулятивный и аналитический, тогда как только один — фиксированный — оставляет человека с высоким суицидальным риском.

Поэтому, находясь в ситуации кризиса, но не переживая его, а стремясь упростить ситуацию, переживая кризис как ситуацию фрустрации или конфликта, уходя от всей серьезности и отчаянности ситуации, человек по сути остается в разрушенном жизненном мире.

Специалисты, вступая с человеком в молчаливый стговор [5], не принимая всей серьезности ситуации, приведшей к покушению, слишком скоро возвращая человека к «нормальной» жизни, лишают его возможности *пережить кризис невозможности жизни*.

Уклонение от переживания кризиса потери смысла жизни может достигаться за счет 1) *игнорирования кризиса* (слепоты) или за счет 2) *нивелирования кризиса* (снижения его значимости).

1.1. Игнорирование кризиса (как невозможности продолжения жизни)

Игнорирование кризиса описывает в своей работе Ф. Василюк [2] в качестве «неуспешного» переживания, когда ранг переживания меньше ранга критической ситуации. То есть по своему смыслу критическая ситуация переживается как фрустрация (можно сослаться на случай А. А., приведенный в статье Ф. Е. Василюка как описание реалистического переживания кризиса). Тем самым действительный глубокий смысл критической ситуации остается необретенным, а значит, сама ситуация переживания теряет всякую осмысленность.

Не поднимаясь до уровня смысловой регуляции деятельности, но совершая эту деятельность привычным или удобным способом (автоматически), человек тем самым отказывается от возможности взглянуть на себя непредвзято. Игнорируя значимость смыслового уровня бытия, суицидент рискует потерять целостность своего Я.

Когда А. А. переживает глобальный кризис смыслоутраты, он пытается разрешить его как сумму фрустраций, потому что так привык делать. Как пишет автор, чем более успешным в таком случае будет реалистическое переживание, тем оно опаснее консервацией старой, психологически уже отжившей, исчерпавшейся жизни.

Заметим, что игнорирование кризиса практически препятствует не только трансформации смысловой сферы, но и развитию и трансформации опосредованных аутодеструктивных тенденций. Это значит, что данная стратегия разворачивается преимущественно в пре-суициде.

Итак, в случае игнорирования кризиса мы наблюдаем: 1) сохранность личностного значения ситуации как кризиса и 2) недоступность этого

смысла для адекватного переживания. Игнорирование происходит на *уровне деятельности переживания*, которое является следствием *игнорирования смысла, смыслового уровня существования личности*.

1.2. Нивелирование кризиса (как невозможности продолжения жизни)

Эта стратегия работы с кризисом состоит в упрощении ситуации, придании ей статуса обыденной проблемы. Предупреждение этой тактики является непереносимым условием того, чтобы кризис в принципе был возможен, был воспринят и расценен как кризис. И если разворачивание этой стратегии не состоялось до покушения, то возможно ее разворачивание в пост-суициде.

Почему одна и та же ситуация может приобретать разный жизненный статус? Василюк Ф. Е. ставит переживание, специфику способности переживать таким либо иным образом в зависимость от мира, в котором находится человек. Но при этом замечает, что человек может переходить в другой жизненный мир, соответственно иному переживанию той же самой ситуации (в качестве стресса, фрустрации, конфликта или кризиса).

Поэтому когда мы говорим о пост-суициде и стратегиях поведения в пост-суициде, описывая нивелирование кризиса, мы имеем в виду изменение личностного смысла, значения ситуации в соответствии с наиболее привычным способом переживания. Можно сказать, что в данном случае личностный смысл ситуации определяется типом привычной деятельности переживания.

Конечно, в этой связи возникает вопрос о ригидности личностных структур. Описываемая стратегия разворачивается тогда, когда способ переживания (деятельностная составляющая) оказывается более фиксированным по сравнению со способом восприятия ситуации (смысловая составляющая). Таким образом, деятельность переживания регулирует смысл ситуации, а не наоборот [8]. Нивелирование кризиса удается субъекту за счет включения смысла в структуру деятельности, подчинения смыслового уровня деятельности, то есть инвертирования иерархической структуры регуляции.

Например, В. совершает попытку суицида после того, как узнает об измене жены. Однако уже в пост-суициде, переосмыслив ситуацию, В. лишает ее значимости кризиса, обращая в конфликт: он говорит об уязвленном самолюбии и ставит перед собой цель овладеть техниками самообладания, для того чтобы стать менее уязвимым для последующих критических ситуаций.

Таким образом, ситуация из кризиса путем изменения ее личностного смысла превращается в ситуацию конфликта, разрешая тотальную невозможность бытия малой уступкой. В. не доставало необходимого мужества для стояния перед кризисом во всей его трагичности, стояния в не-понимании, в не-разрешении ситуации каким-либо действием.

Итак, в случае нивелирования кризиса мы наблюдаем 1) *изменение смысла* ситуации для субъекта (от кризиса к конфликту, фрустрации или

стрессу) и 2) деятельность переживания, соответствующего *более низкому уровню критической ситуации*. Нивелирование происходит на *уровне смыслового восприятия ситуации*, которое является результатом *фиксирования способа переживания (деятельности)*, то есть *нивелирования возможности кризисного переживания*.

2. Сохранение актуальности кризиса-невозможности

Постановка *вопроса о смысле* и одновременно стояние в не-понимании или *сохранение значимости кризиса*, то есть тех составляющих (внутриличностных и внешнесобытийных), которые и привели к кризису (явились как бы психологическим материалом, из которого человек своим активным восприятием «создал» кризисную ситуацию), являются первым и необходимым условием возможности переживания суицидального кризиса, в противовес его консервации.

То, каким образом преодолевается кризис, позволяет выделить, прежде всего, два основных направления: 1) *целеполагание* в качестве замещения смыслообразования и 2) *деятельность*, цель которой состоит в придании жизни смысла.

В первом случае человек действует, оставаясь в рамках наличной ситуации. То есть пре-суицид, суицид и пост-суицид лежат в одной жизненной плоскости. Кризис представляет собой некоторую преграду, которую удастся преодолеть в том случае, если поставить перед собой новую цель, которая учитывала бы невозможность достижения прежних целей, факт их реализации, возможность их отсутствия.

Во втором случае действие вроде бы выходит за рамки наличной ситуации. То есть человек вводит в структуру своей деятельности смысл, который поднимается над плоскостью кризиса, суицида и тем самым по-новому освещает жизненную ситуацию.

2.1. Целеполагание как замещение смыслообразования

Целеполагание представляет собой постановку новой целевой перспективы [10, с. 49], то есть оставление кризисной ситуации неразрешенной и переход к другой перспективе, где нет невозможности движения для внутренних потребностей жизни; целеполагающая активность порождает новую потребность индивида. Таким образом, человек совершает переход в иную ситуацию, оставляя кризис открытым, но отворачиваясь от него.

Нужно заметить, что в основе этого движения лежит адаптивная активность, так как добиваясь удачи в той или иной области, то есть достигая поставленных целей, человек обретает удовлетворение от собственной пригодности [13, с. 158]. Однако смысл не сводим к адекватной адаптации человека к своим задачам и целям [7].

Так называемый прием «*позитивного истолкования*» оказывает разрешающее действие в ситуации кризиса именно благодаря постановке новых целей, взамен прежних, уже недостижимых. И таким образом жизнеде-

тельности придается перспектива и возможность движения в ней. Однако заметим, что смысл их жизни в этом случае сливается и переходит в цель — выжить в нечеловеческих условиях, когда это невозможно. И точно так же этот смысл теряется по достижении этой цели.

Поэтому считать, что нечто (событие, факт инвалидности и т. д.) может вызвать ощущение бессмысленности или обесмыслить всю жизнь, даже если это и утверждается самим человеком, было бы неверно. Так как это событие не может быть причиной. Но, рассматривая жизненную ситуацию каузально, мы убеждаемся, что для этих сильных негативных переживаний существовал некий внешнесобытийный толчок.

В обыденном сознании смысл зачастую подменяется наличием осмысленной цели. При совершении некоторых шагов, приближающих к цели и дающих сразу видимые определенные результаты, человек не задумывается о смысле, о его утрате и поиске. Но как только цель достигнута либо действия не дают своих результатов, человек характеризует свое состояние как опустошенность (актеры после премьеры) и утрату смысла. Однако ни в первом, ни во втором случае смысл и не мог никогда возникнуть, эта проблема фиктивна. Так как постановка новых целей, если она состоится, тут же снимает проблему утраты смысла.

Известная феминистка Б. Фридан в своей книге «Загадка женственности» дает описание феномена кризисного состояния, называя ее «проблемой, у которой нет названия», на примере благополучных домохозяек среднего класса Америки.

Вот одно из характерных и многочисленных признаний. «Я старалась делать все, что положено женщине, — у меня были различные хобби, я занималась садом, маринованием, консервированием, общалась с соседями, участвовала в различных комитетах, организовывала встречи за чаем в Ассоциации родителей и учителей. Я все это умею, и мне это нравится, но это не дает возможности подумать и почувствовать, кто ты. Я никогда не стремилась к карьере. Все, чего я хотела, — выйти замуж и иметь четверых детей. Я люблю детей, Боба и свой дом. У меня нет проблем, но я в отчаянии. Я начинаю чувствовать собственную безликость. Я — подавальщица еды, одевальщица штанов, убирательница постелей — одним словом, та, кого зовут, когда что-нибудь нужно. Но кто я на самом деле?» [12, с. 56].

В этом фрагменте ситуация целенаправленности жизни доведена до крайности, когда человек становится орудием собственных целей, предметом, который можно использовать по определенному назначению. При этом ни одна из целей, ни их сумма не дают смысла бытию Я, но на некоторое время дают ощущение пригодности, соответствия, существования.

Цель — то, что является результатом суммирования всех шагов, последовательных действий, структурирующих жизненное пространство, т. е. она выводима, рождается из причинно-следственных отношений. Смысл — то, что невыводимо из всей предшествующей ситуации. Смысл всегда противостоит наличному [11], это сверх-наличное. Между ситуацией и ее смыслом точка разрыва, непроходимости. Психотерапевт может

помочь заполнить эту пустоту структурой последовательных шагов или помочь пройти через точку разрыва к смыслу [9, с. 339]. Именно поэтому нельзя планировать образование смысла, в отличие от целеполагания, которое полностью остается в рамках, которые мы желаем ему задать или которые мы согласны изменить. Нельзя сделать нечто (продумать заранее, совершить акт некий), чтобы появился смысл, так как нельзя с уверенностью ожидать его появления.

Эта стратегия основана на *обесмысливании смысла*, целостности бытия, которое разрывается на части ситуациями, целями, событиями, периодами кажущейся осмысленности.

2.2. Целенаправленная деятельность по поиску смысла

Хотя некоторые исследователи аутодеструктивных тенденций личности и говорят о том, что суицидальный акт направлен на поиск смысла жизни, обычно он ничего не меняет в смысловой структуре личности сам по себе, естественно или натурально, как бы это от него ожидалось. Даже пугающе ничего не меняет, притом что внешне происходит одно из самых значительных и трагических событий жизни человека. В пост-суициде человек оказывается в мире, где ничего не случилось, и смысл не найден, и кризис не разрешен.

Не уклонившись ни в одну из вышеописанных стратегий поведения, то есть приняв важность вопроса: ради чего?, не разрешая его действием и стоя в непонимании перед этим вопросом; собирая свою жизнь в целое, из которого не может быть выброшена какая-либо неудачная часть, человек оказывается в самом глубоком кризисе перед вопросом о смысле своей жизни. Не просто о смысле кризиса, который привел к покушению, но о смысле всей жизни, которая гораздо больше и кризиса, и суицида, и спасения от него, и представляет собой целостность. Вот из этой целостности человек и задает вопрос: «В чем смысл всего?»

Тогда целью активности становится поиск ответа на этот вопрос, поиск смысла жизни, т. е. развивается смыслообразующая деятельность. Что характерно для подобной стратегии, так это представление о смысле, который поставит все на место, даст спокойствие и ясность в дальнейшей жизни со смыслом. И в этом случае, когда речь идет о поиске смысла жизни, можно говорить, что это поиск чего-то определенного, существующего независимо от самого этого поиска. В этом смысл уподобляется цели. Тогда с полным основанием можно говорить, что проблема поиска смысла жизни не имеет ничего общего с обретением действительного смысла происходящего.

Поэтому мы говорим, что в этом случае смысл становится целью деятельности, то есть тем, что достижимо определенными усилиями. За этим стоит стремление обладать смыслом как последним и самым сильным средством, укрепляющим представление о самом себе, собственную самоидентичность.

Если в предыдущем варианте пост-суицида цели придавался статус и полномочия смысла, то в данном — смыслу придается статус цели, его свойства и, соответственно, пути его обретения (обладания) как предмета

[8]. В этой связи уместно поставить вопрос: а можно ли смысл жизни искать? Что это будет за смысл, который можно найти таким способом?

Поиск смысла может разворачиваться в двух направлениях: как *сохранение смыслов* и как *отрицание смыслов*. Нужно отметить, что суицид представляет собой точку пересечения противоположных смыслов. И здесь дело не просто в амбивалентности суицида, который направлен к смерти и к жизни одновременно. Это противоречие между двумя смыслами внутри самого бытия, то есть, по сути, между двумя способами бытия, которые представлены для человека как предельные возможности быть в его крайне конкретном случае. Например, это противоречие может выражаться следующим образом: быть с женой или быть без жены, то есть развестись.

2.2.1. Утверждение безусловной ценности как смысл, обретаемый в пост-суициде

В пост-суициде, в ходе осмысления, переживания уже происшедшего, человек придает суициду смысл акта, который подтверждает определенные, уже сложившиеся возможности существования для себя. Тем самым он говорит другим, но прежде всего себе: «Я могу жить только так или умереть, потому что жить иначе — значит, умереть».

Можно сказать, что подобное обретение смысла своей жизни задним числом, ретроспективно освещает предыдущую жизнь (как и последующую) светом этого единственно возможного, правильного, обретенного, безусловно, ценного смысла. Если обратиться к анализу смысла, то станет явно, что этот смысл по своим характеристикам аналогичен смыслу, который выводит Фрейд у симптома ли, у сновидения. Здесь смысл также представляет собой некоторое *представление* о том, как это есть на самом деле. Можно даже сказать, что такой смысл позволяет человеку оставаться в пространстве суицидального кризиса, не завершая его, ибо подменяет собой конкретную жизненную ситуацию и закрывает возможность обретения смысла, который есть ответ всем собой, а не только сознательно [11, 13].

Итак, смысл-представление является идеей, благодаря которой суицидент может закрыть для себя тему смысла жизни. Таким образом, это обретение смысла дает возможность закрыть вопрос о смысле подобным ответом-представлением.

Случай Н., 42 года, отравление лекарствами 2 года назад.

Н. находится в кризисном стационаре, это третья госпитализация после покушения на самоубийство, которая сопровождается неотступными мыслями о смерти.

Н. совершила попытку самоубийства после того, как ее сын разошелся со своей первой женой, и она забрала внука, которого Н. воспитывала до 2 лет. По сути, Н. всеми силами стремилась разрушить их брак, и ей это удалось. Однако, полагая свои сознательные и бессознательные усилия на то, чтобы разлучить сына с его женой, она не учла того факта, что при этом добивается и разлуки с внуком, которого столь горячо любит, с которым у них «большое родство душ», который является для нее самым близким,

дорогим и любимым человеком. Внуком, о котором она говорит так, как можно говорить не о ребенке, а о любимом человеке. Более того, о разлуке с ним она говорит как о смерти этого человека.

Итак, с момента суицидальной попытки прошло два года, в течение которых она ложится в кризисный стационар уже третий раз. Причем одно из пребываний здесь было продолжительностью три месяца. В этот период она чувствовала себя хорошо, не заикалась, спокойна, ей понравилось находиться в больнице, три месяца пролетели как один день, хотя утверждает, что больницы не любит.

Проследим динамику попыток совладать с жизненным кризисом, с происходящим вокруг нее, которая приводит к попытке самоубийства. Первое из известных нам событий относится к периоду женитьбы ее сына, против которой она категорически возражала. Как раз накануне свадьбы ее парализовало, и она стала заикаться, попала в больницу в прединсультном состоянии. И, как она оговорилась, невзирая на это свадьба состоялась. Все ее «усилия» не увенчались успехом, потому что сын сделал то, что хотел он, а не то, что хотела она. Поэтому она продолжила болеть. У Н. возникли проблемы с почками, которые грозили ей смертельным исходом, однако вместе с этим она прекратила заикаться. Она пережила клиническую смерть и имела некоторый опыт видений в этом состоянии. Но это происходило уже после женитьбы ее сына.

Когда появился внук, она вынуждена была выздороветь, по ее словам, чтобы помогать сыну. С этого момента Н. занимается воспитанием внука. Тем не менее, это не помешало ей приложить определенные усилия, чтобы сын расстался со своей женой. В результате бабушка потеряла внука, ребенка забрала мать. Можно сказать, что она потеряла его благодаря собственным усилиям. Сама Н. не может этого не понимать.

Эквивалент паралича, эквивалент клинической смерти находит свое продолжение в попытке самоубийства. Мы отмечаем нарастание серьезности состояния и степени инициативы с каждой новой попыткой переживания кризиса. По смыслу эти события равноценны, рядоположены. То есть когда нечто в ее жизни не поддается контролю, или происходит вопреки ее воле, ее желаниям, она совершает такой акт. В последнем случае это был акт самоубийства.

Что характерно, в пост-суициде динамика та же. Обострение ее суицидальных мыслей, взрывы импульсивных неконтролируемых действий с провалами памяти возникают именно тогда, когда она не в состоянии контролировать ситуацию. Эти обострения случаются с частотой раз в 10 дней. Один из случаев, когда сын привез к ней в больницу новую жену, которая ждет ребенка вместе с ее матерью. Следующий — когда один из ее врачей не уделил ей «должного» внимания.

Хотя проблемы Н. начались еще до рождения внука, оформились в более сознательный вариант после того, как его отобрали, и она совершила попытку самоубийства. Она говорит о том, что ей не стоит жить, что она не хочет жить, что она хочет умереть, и ищет смерти, но смерть убегает от нее. Хотя, с другой стороны, она неплохой человек, она нужна сыну, их

будущему ребенку, маме, нельзя сказать, что ее совсем ничего не держит в этой жизни. Но у нее просто нет сил жить. Такое пассивное желание уйти из жизни, желание смерти как покоя (кстати, в предсмертной записке она просит похоронить ее в ногах у отца) постепенно преобразуется в конкретное представление о том, как и почему.

Оно оформляется в нежелание жить без любимого человека, которого у нее отобрали.

Сейчас ее сын ждет другого ребенка от второй жены. Н. говорит, что если это будет девочка, то это сможет все изменить в ее жизни, если она будет похожа на их род. Тогда она сможет воспрянуть духом, опять заниматься ребенком, она станет прежней Н. Но вот она увидела свою невестку на сносях, когда они приезжали к ней в больницу, и узнала, что плод крупный, это значит, что не в их породу. Значит, этот младенец не подходит для целей возвращения Н. к жизни.

Только на двух последних встречах Н. говорит о том, что лечить ее бессмысленно, ничего не поможет, так как единственное, что ей нужно, — это ее внук. Все остальное только оттягивает время. Можно заключить, что, таким образом, Н. приходит к четкому представлению о смысле своей жизни и выстраивает ее замысел, условием реализации которого становится наличие внука.

Конечно, мы ничего не можем сказать о действительном смысле происходящего в жизни Н. Мы не можем сделать это вместо нее, или за нее. А она не захотела это сделать. Н. выбрала смысл, который поставил точку в ее усилиях пережить происходящее, смысл, выродившийся в замысел. Смысл, который убивает.

Желание покончить с собой представляет желание завершить ситуацию, закончить ее, сделать ее подконтрольной.

Наряду с этой боязнью присутствует неискоренимое стремление к живому, непредсказуемому, спонтанному, творческому. Это стремление обладать жизнью. У Н. это воплощалось во внуке как сгустке жизни, нового, неизвестного, которым она хотела обладать, как обладают вещью. Это стремление обладать тем, чем нельзя обладать по определению, чтобы обладать, надо прежде умертвить, а жизнь, творчество не мертвый предмет.

2.2.2. Отрицание безусловной ценности как смысл, обретаемый в пост-суициде

Иногда осмысление происшедшего, совершаемое в пост-суициде, позволяет человеку отвергнуть определенные сложившиеся возможности бытия. Тем самым он говорит: «Именно так я жить не могу, я могу умереть».

Так же как и в предыдущем случае, обретаемый *смысл отрицания* ретроспективно освещает жизнь, придавая ей статус бессмысленной. Обретение смысла или ответ на вопрос: в чем смысл? смещается со стороны бытия в смысле (эквивалентного пониманию, что смысл есть) в сторону представлений об условиях существования этого смысла (эквивалент знания о том, когда бывает смысл). В случае отрицания некоторой жизненной ценности

стратегия пост-суицида развивается несколько сложнее. Она сопровождается некоторой ломкой, изменением смысловой структуры личности.

Случай А., 28 лет, двойная попытка суицида (сначала повешение, через неделю порезы запястья), запои в кризисном стационаре, мысли о смерти.

Работу с А. можно условно разбить на 2 части. Первые три встречи и последующие две. Между ними лежит переживание катарсиса, с которым А. связывает свое обновление, осознание и т. д. Он говорит, что понял, что не хотел умирать, а всех обманывал. Что изменилось его отношение к жене, к разводу, к суициду. Что он будто бы родился заново.

Попытка была совершена в состоянии депрессии, ссоры с женой.

А. развивает идею духовности, которая своим условием ставит духовность окружающих; такое презрение к земным удовольствиям, которое нуждается в них, чтобы их презирать. Все это позволяет заключить, что именно он связан своей внутренней приверженностью «земному», хотя и не осознает этого.

Вообще, для А. характерно стремление к определенному, контролируемому не только в обычной жизни, но и в ситуации, где это, казалось бы, невозможно: будущее. Оценка качества жизни производится не по внутреннему содержанию поступков, но связывается жестко с определенными действиями. Поэтому духовная жизнь может быть в дороге на Киев, а дома и на скорой помощи (где он работает) духовных переживаний быть не может.

Откуда пренебрежение земными радостями? Само это утверждение достаточно демонстративно и противоречиво: с одной стороны — от денег я свободен, мне ничего не надо; с другой — деньги дают свободу, жену надо красивую, а не добрую и понимающую.

Предположительно, нивелируется то, в чем А. чувствует свою несостоятельность (тело, лицо, деньги): «Я избегал ситуаций, когда мне не хватало уверенности, силы». Нельзя сказать, что этот человек готов встретиться со своими негативными, не замечаемыми качествами. В жизни он выбирает скорее тактику избегания. Можно сказать, что и в смерти он осуществляет эту же тактику: уйти из жизни наиболее безболезненно. Лежал, ничего не делал, смотрел телевизор, внутренне готовился, пытался прийти с чем-то. Однако внутренняя подготовка не состоялась, и А. вынес себе приговор: если приду к смерти ни с чем, какая разница, когда умру, в 70 лет или сейчас.

Наряду с этим избеганием четко прослеживается и другая тенденция: вырваться за круг «бытовухи». Это не просто избегание собственной неполноценности, т. е. пространства, в котором Я не состоялось, но и уход от тех событий-происшествий, которые не значимы, которые не становятся событиями. Это покидание Я несостоявшегося, не реализованного. И одновременно: хотел (не просто) умереть в физическом теле; (но) как бы попробовать все сначала.

Суицид А. можно рассматривать не только как черту, подводящуюся под несостоятельность собственной жизни. Это черта, которая открывает новое пространство, где можно начать все сначала. А это означает выстро-

ить новые отношения. Создать другие события. Я не хотел жить и не хотел умирать, — эта фраза гениально собирает воедино обе тенденции: нивелирование жизни-происшествия и желание жить. И здесь А. сталкивается с проблемой, известной давно: от себя не убежишь. Когда суицид не удался: «я очнулся, отягощенный воспоминаниями». Перед чем оказывается А.? Жизнь для него продолжается, он не умер, но эта жизнь никак не изменилась за время его отсутствия, она по-прежнему жизнь-происшествие, а не жизнь-событие.

Итак, событие, которое А. называет «ощущением наполненности Я», не состоялось. А я замечу, не состоялось само по себе, автоматически, спонтанно.

Существует и другая проблема: непонимание экзистенциальных мучений А. и ощущение пренебрежения от самых близких людей: жены, сына, родителей, родителей жены. Мы не можем сказать, что в этих отношениях первично. Или вопросы бытия были важны для А. изначально, а уже чуждость этих чувств вызвала пренебрежение к нему. Или А. презирает, нивелирует в своих размышлениях несостоятельность, которая и породила реакцию пренебрежения со стороны близких (мужчина не может содержать семью, нет квартиры); а уже стремление к экзистенциальным вопросам и размышлениям было компенсацией, уходом от несостоятельности к чувству равенства (перед смертью все равны) и даже превосходства над теми, кто унижает непониманием.

Поэтому еще одной значимой темой стал разговор о его путешествии в Киев. Это подобие паломничества: пешком, без еды, без денег, без ночлега заключает в себе испытание себя, своей силы и Бога. А. возлагает большие надежды на это путешествие, так как с ним должно обязательно произойти то, что не может произойти в городе, в семье, на работе, — переживание силы, которое меняет всю жизнь, по его словам. Мы назовем это обретением смысла, который делает возможным дальнейшую жизнь, оправдывает ее, удостоверяет. Даже из этих небольших заметок мы видим, что по своему психологическому смыслу поход в Киев аналогичен попытке суицида: испытать, показать, начать сначала, получить недостижимое.

Итак, то, что не произошло в суициде (хотя эта жертва максимальная, на которую способен человек) «размыкание круга», А. перенес на новое событие своей жизни. Он планирует путешествие и некую случайность в нем, которая наполнит его силой, чтобы жить или практиковать, действовать. Он отказывается от суицида как от способа разрешить свою ситуацию: Я хочу жить. Но оставляет желание изменить свою жизнь. Рассчитывая, что физический дискомфорт, голод, холод, усталость дадут ему то, что он ищет, — смысл существования. Я хочу поручить себя Богу, — известный в христианстве мотив в речи А. звучит как: Я хочу привлечь Его внимание. Повторяется уже знакомая тема суицида: я хотел обратить внимание людей.

Поэтому мы бы предположили, что суицидальный кризис в данном случае не завершен, так как не стал опытом личного переживания. Он проживает эту ситуацию как социальный человек по схеме, заданной обществен-

ным мнением. Ибо следующий шаг в точности повторяет предыдущий по смысловому содержанию. А это означает одно — суицид не завершился, не закончился. А. продолжает жить в пространстве суицидального кризиса.

И, собственно, только после переживания катарсиса, в наших встречах А. начинает касаться именно земной стороны своего существования, что свидетельствует о росте аутентичности. И тут впервые формулирует смысл суицидального акта: показать близким, жене, сыну, задеть их, заставить задуматься: А почему он это сделал? Вывести их из состояния толстокожести.

Кроме внешнего мотива привлечения внимания, изменения отношения к себе, мы можем увидеть за этим попытку заставить, обязать других переоценить ценности, отказаться от пренебрежения к тому, что важно для А.

Учитывая личную вовлеченность и причастность А. тому, от чего он отворачивает других (земная жизнь: деньги, красота, работа и т. д.), мы можем заключить, что в еще большей степени, чем к другим, это обращение к себе. То есть обесценивание того, что важно самому А., но что он при этом презирает в качестве безусловной ценности.

Итак, в попытке суицида встречаются противоположные смыслы, тенденции. Это стремление воздействовать на жену, чтобы она изменила свое отношение, и, одновременно, стремление изменить себя, чтобы не зависеть от решения жены и ее отношения. То есть утверждение и отрицание безусловной ценности жены вместе (мирской жизни в более широком смысле).

В пост-суициде в ходе длительной внутренней работы (в которой, видимо, последним штрихом был разговор с женой по телефону, в котором он уличает ее во лжи, то есть фиксирует то, что она не изменила свое отношение к нему) А. выбирает, какой смысл придать суициду, как его пережить, и это оказывается смысл отрицания безусловной ценности жены (которая стала воплощением земного в противовес духовному).

Что характерно, и в случае Н., и в случае А. происходит осмысление и выбор между двумя идеями, каждая из которых содержит утверждение определенного конкретного образа Я, хотя внешне это представлено как выбор ситуации.

И эти ситуации, между которыми идет выбор, разыгрывают один и тот же образ Я, представленный разными своими гранями. Все колебания между отчаянием и надеждой — всего лишь выбор между привычным и очень привычным, удобным и очень удобным.

Стояние в кризисе не завершается продуктивным обретением смысла (а значит, и обретением ситуации, обретением времени и сил, на нее потраченных).

Можно сказать, что поиск смысла вылился в показанных примерах в поиск подходящего «материала» для возможности осмысления ситуации. Так Н., будь то на внуке, из-за которого было совершено покушение, будь то на еще не родившейся внучке, должна была осуществить свою стратегию обладания. Также и А., будучи уверен в своей собственной духовной непогрешимости, выбирал между тем, будет ли жена отвергнута как не

оценившая его, либо будет признана как подчинившаяся его безупречности. А. сохраняет свое право превосходства в любом случае.

И в заключение мы можем сказать, что ни в одном случае не происходило действительного выбора между смыслами, образами Я, жизненным путем, так как не было сформировано никакой альтернативы «наличному Я». Выбор свелся к определению конкретного воплощения замысла, в котором и внуки, и жена выполняли инструментальную функцию.

Описанные в работе трансформации аутодеструктивных тенденций в пост-суициде связаны с непродуктивными спонтанными трансформациями смысловой сферы личности. Исходя из этого мы можем заключить, что в терапевтической работе с суицидентами должна использоваться практика пресечения непродуктивных способов разрешения кризиса, выделенных нами в пост-суициде: игнорирования кризиса, обесценивания кризиса, целеполагания как замещение смыслообразования и целенаправленной деятельности по поиску смысла.

Сам по себе отказ пациента от аутодеструктивных тенденций является недостаточным критерием позитивной динамики смысловой сферы [4]. Продуктивная трансформация смысловой сферы суицидента предполагает создание специальных внутренних условий, способствующих разрешению суицидального кризиса в деятельности обретения смысла.

Литература

1. Амбрумова А. Г. Анализ состояний психологического кризиса и их динамика // Психологический журнал. — 1985. — № 6. — Т. 6. — С. 107–115.
2. Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. — 1995. — Т. 16, № 3. — С. 90–101.
3. Василюк Ф. Е. Типология переживаний различных критических ситуаций // Психологический журнал. — 1995. — Т. 16, № 5. — С. 104–114.
4. Гусакова М. Тема суицидального покушения: ее прошлое и будущее в психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. — 2008. — № 1. — С. 144–154.
5. Дернер К., Плог У. Заблуждаться свойственно человеку / Пер. с нем. В. Вида. — СПб.: Изд. Психоневрологического НИИ им. В. М. Бехтерева, 1997. — с. 520.
6. Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А. Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации. — М.: Изд. Московского НИИ психиатрии, 1980. — 48 с.
7. Калитеевская Е. Р., Ильичева В. И. Адаптация или развитие: выбор психотерапевтической стратегии // Психологический журнал. — 1995. — Т. 16, № 1. — С. 115–121.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Смысл, 2004. — 352 с.
9. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. — СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 1997. — 570 с.
10. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности / Рос. открытый ун-т. — М.: ТОО «Горбунок», 1992. — 224 с.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — 336 с.
12. Фридан Б. Загадка женственности / Пер. с англ. Е. Щабельской. — М.: Прогресс, Литера, 1993. — 496 с.
13. Humbert E. G. *Ecrits sur Jung*, Paris, 1993. — 286 с.

М. П. Гусакова

канд. психол. наук, доцент

ОНУ імені І. І. Мечникова

каф. соціальної і прикладної психології

АНАЛІЗ СПОНТАННОЇ НЕПРОДУКТИВНОЇ ТРАНСФОРМАЦІЇ СМИСЛОВОЇ СФЕРИ ОСОБИСТОСТІ В СУЇЦИДАЛЬНІЙ КРИЗИ

Резюме

У статті розглядається суїцидальна криза як криза неможливості жити, в якій суїцидальна спроба стає спробою змінити, зберегти, відновити смисл критичної ситуації. Стверджується, що в терапевтичній роботі з суїцидентами повинна використовуватися практика припинення спонтанних непродуктивних способів розв'язання кризи: ігнорування кризи, знецінення кризи, цілеполягання як заміщення смислоутворення і цілеспрямованої діяльності з пошуку смислу (у вигляді двох тенденцій: підтвердження або заперечення життєвої цінності).

Ключові слова: смислоутворення, суїцидальна криза, постсуїцид, смисл життя.

M. P. Gusakova

candidate of psychological sciences

I. I. Mechnicov Odessa national university

THE ANALYSIS OF SPONTANEOUS UNPRODUCTIVE TRANSFORMATION OF MEANING SPHERE OF THE PERSONALITY IN CRISIS SUICIDAL

Summary

In article suicide crisis is considered as impossibility crisis to live, in which a suicide attempt becomes attempt to change, keep, update sense of a critical situation. It affirms that in the therapeutic work with suicidents practice of suppression of spontaneous unproductive ways of the permission of crisis should be used: an ignoring of crisis, a crisis depreciation, a goal suppose as replacements sensforming and a goal-directed activity of the sense search (in the form of two tendencies: a confirmation or a denial of the vital value).

Key words: the formation of the sense, the crisis suicidal, the postsuicide, the meaning of the life.